

КОГО, ЧЕМУ, КАК И ЗАЧЕМ УЧИТЬ? Изучение славянских культур сегодня: лиминальность и медиация (Тематическое исследование/ case study: Философский факультет Университета в Сараеве, Отделение славянских языков и литератур)

[A qui, comment et pourquoi enseigner ? Les études slaves d'aujourd'hui : liminalité et médiation (étude de cas/ case study : Département d'Études slaves, Faculté de philosophie, Université de Sarajevo)]

Par Adijata IBRIŠIMOVIĆ-ŠABIĆ

Publication en ligne le 13 mars 2024

Résumé

Polazeći od okvira predloženog na konferenciji Slavistika danas : liminalnost i medijacija, održanoj u Poitiersu u novembru 2022. godine, koji se oslanja na istraživanje etnografa, folkloriste i antropologa Arnolda van Gennepa (Obredi prelaza), u ovom radu se van Gennepova druga faza rituala prelaza, kao period transformacije i puta ka novom (stabilnom, uravnoteženom) stanju, povezuje prije svega sa potrebom reorganizacije studija slavistike na Univerzitetu u Sarajevu – Filozofskom fakultetu. Van Gennepova analiza obreda inkorporacije (kao treće faze obreda prelaza) valjana je za razumijevanje

problema povezanih sa « otuđenim » i « neostvarenim » modernim društvima te, kao takva, primjenjiva u analizi « krize » humanističkih pa tako i slavističkih studija i mnogih njenih uzročnika, također i u iznalaženju mogućnosti adekvatne promjene u novim okolnostima te pripreme i poduzimanja konkretnih koraka za « slavistiku budućnosti », jer suštinski, van Genneпова основна теза директно се може povezati sa teorijom / teorijama promjene, s obzirom da je insistirao na tome da се ceremonijalni obrascи trebaju ispitivati kao cjeline i da се usporedба треба temeljiti на sličnostima u strukturi, а не u sadržaju.

Mots-Clés

Славяноведение, обряды перехода (А. ван Геннеп), лиминальность, изучение (славянских) культур, местонахождение культуры (Х. К. Бхабха), Отделение славянских языков и литератур (Университет в Сараеве – Философский факультет), постцифровое образование.

Table des matières

— Введение : Контекст

Тематическое исследование (Case Study)

—— 1.1. Предыстория: чему мы учим студентов славистов / русистов сегодня на сараевской славистике

—— 1.2. Что и как менять?

—— 1.3. Изучение и преподавание культуры / литературы в рамках славистики : вызовы и перспективы

———— 1.3.1. Художественный перевод и межкультурное (не)понимание

— Заключение : Учить? Но, кого же?..

Texte intégral

Введение : Контекст [1]

Можно сказать, что сегодня мы живём в эпоху очередного кризиса, сталкиваясь постоянно с новыми вызовами, а именно: глобальным « обществом риска », общим кризисом в Европе и мире, вызванным политическими и экономическими потрясениями, процессами глобализации, геополитическим переходом, « новым мировым геополитическим порядком »; с пандемиями и войнами, миграционными кризисами – а всё это и представляет собой истинную лиминальность, как состояние неопределённости и / или замешательства, то есть какое-то промежуточное пространство, в котором старые ценности ставятся под сомнение или отбрасываются, а новые ещё не появились.

Мы живём в эпоху т.н. лиминальных моментов в виртуальном мире. Из этих лиминальных моментов, как пишут наши коллеги из сараевского университета [2], возникла новая медийная реальность. Мы живём с верой в то, что технологическая организация информации может создать порядок из хаоса. В новую цифровую эпоху коннективизм (Джордж Сименс), признающий информационные технологии важной частью образования и подразумевающий обучение через постоянное построение социальных связей, [3] становится основой поворота в понимании обучения. Но, Эмир Вайзович, Марио Хиберт, Лейла Турчило, Вук Вучетич и Ламия Силайджич, авторы книги *Медиа и информационная грамотность : дизайн обучения для цифровой эпохи* [4] пишут, что « технологическим платформам, призванным организовать мировую информацию и сделать её общедоступной и полезной (Google), сделать мир более открытым и взаимосвязанным (Facebook) », на самом деле не удалось справиться с « информационным беспорядком ». Авторы пособия отмечают, что « понятия свободы (информированное, обоснованное и осознанное принятие решений) и восприятия (перцепция и рецепция) мира (медиализованная интерактивность) уже не могут стоять вне рамок так

называемого постцифрового образования ». [5] По мнению авторов, речь идет о необходимости создания образовательного « ресурса(-ов) для тренировки (критического) мышления и понимания тактических, оперативных и стратегических подходов к образованию в цифровую эпоху » [6] в условиях современного медийно-информационного хаоса. В данном контексте обращается внимание и на проблему инфодемии – распространения дезинформации в онлайн-среде, так называемую « фабрику страха », создаваемую СМИ.

Важными явлениями и понятиями, относящимися к нашей теме, о которых предупреждают авторы упомянутого пособия, являются « шок будущего » (Э. Тоффлер) и культурное отставание [7], « культурная задержка » (У. Ф. Огберн). В книге *Шок будущего* [8] 1970 года американский футуролог Э. Тоффлер анализирует механизмы изменения современного общества, основанные на знаниях и технологиях. Предсказывая возможные направления общественного развития, Тоффлер определяет термин « шок будущего » как психологическое состояние индивидов и общества, которое можно описать словами: «слишком большие перемены, происходящие за слишком короткое время » [9]. В настоящее время именно в таком состоянии, как нам кажется, находится каждый преподаватель и сотрудник сараевской славистики, наш факультет как коллектив, а также и общество Боснии и Герцеговины в целом. Ощущения « шока будущего » и « культурного отставания » становятся почти травмирующим опытом для нашего (со)общества.

В такой обстановке возникает вопрос насколько мы принимаем тот факт, что иной реальности уже не будет? Насколько мы осознаем тот факт, что мы перешли в иную реальность, и именно в ней нам надо искать и найти новые смыслы.

В рамках такой глобальной системы вопрос о месте гуманитарных наук, в том числе и славяноведения, является особо чувствительным, и особенно вопрос о русистике, положение которой как фундаментальной / доминантной науки в славяноведении, весьма пошатнулось за последнее время, особенно с момента начала войны на Украине в феврале прошлого (2022) года.

Тематическое исследование (Case Study)

1.1. Предыстория: чему мы учим студентов

славистов / русистов сегодня на сараевской славистике

Обучение на Отделении славянских языков и литератур Университета в Сараеве – Философского факультета достаточно традиционно. Фундаментальная область изучения – современный русский язык. [10] Другие славянские языки, чешский, словенский и польский, изучаются в течение одного года в качестве элективных предметов, с возможностью продолжения изучения этих языков и культур еще один год, но исключительно в качестве факультативных предметов. Несмотря на то, что Болонская реформа значительно укоротила учебные планы и многие авторы были выброшены « с парохода нашей современности » [11], нагрузки достаточно велики для того, кто только что начал осваивать языковые компетенции, и кто должен всего за несколько лет освоить язык до такой степени, чтобы быть способным понимать довольно сложный теоретический дискурс. [12]

Отделение славянских языков и литератур Университета в Сараеве – Философского факультета, по существу, не прошло даже начальной фазы трансформации, « отрыва от стабильной среды » (в данном контексте и от традиционной модели преподавания и обучения [13]), хотя заметны многие черты средней, « переходной » фазы на других уровнях: личностно-ориентированное обучение, интерактивный подход к обучению, более широкое применение новых технологий, постоянная модернизация содержания, методик, учебных пособий, учебников и т. д.

Резкое падение числа поступающих студентов на факультет и Отделение славянских языков и литератур в последнее время – еще один вызов из ряда стоящих перед нами. Все сильнее ощущается необходимость ответа на вопросы : что и как мы можем сделать, чтобы получить реальные результаты в рамках существующей меж- и внутридисциплинарной направленности обучения? Достаточно ли внедрения новых подходов и моделей обучения?

1.2. Что и как менять?

Изменение и стабильность – не категорические противоположности, а полюса одной и той же упорядоченной системы со встроенными в нее ритмами рождения, смерти и возрождения. [14]

В регионе уже существуют примеры реорганизованных отделений славяноведения: Белград, Загреб, Любляна... Эти модели кажутся применимы для разных обучающихся и являются хорошими примерами средней стадии обряда перехода в области преподавания языков и культур. Похожие процессы начались и на кафедрах славяноведения в Боснии и Герцеговине. Логично, что при всех перестройках в центре внимания находится язык (будь то иностранный или родной), ведь язык – это основное средство общения, один из ключевых компонентов, из которых мы строим наши внутренние модели мира, основной инструмент, с помощью которого мы узнаем о себе и окружающем мире.

Однако возникает вопрос, какое место в трансформированном славяноведении в эти переходные фазы занимают культура и литература, как одно из наиболее самобытных и фундаментальных духовных творений человека, создаваемых именно в языке? Можем ли мы сказать, что знаем язык, если не знаем литературу, которая создаётся на этом языке?

1.3. Изучение и преподавание культуры / литературы в рамках славистики : вызовы и перспективы

Хорватский славист Звонко Ковач отстаивает идею межкультурности уже пару десятилетий, о чем свидетельствуют многочисленные его статьи и книги. ^[15] Интеркультурализм / мультикультурализм включает в себя практики общения и сотрудничества между представителями разных культур, стремящимися смягчить (если не полностью устранить) предрассудки и стереотипы в отношении других. ^[16] Основной отправной точкой интеркультурализма является то, что ценности других культур не должны оцениваться по меркам собственной.

Известный теоретик литературы Хоми Бхабха предполагает, что, когда речь идет о культуре / культурах, внимание должно быть сосредоточено именно « на тех моментах или процессах, в которых артикулируются культурные различия. Эти пространства ´ между ´ становятся фундаментом для выработки стратегий самости (*selfhood*) – индивидуальной или коллективной – которые порождают новые черты идентичности, новые зоны взаимодействия и соперничества в попытке переосмысления идеи общества самого по себе ». ^[17]

В качестве аргументации приведу пример из собственной практики.

1.3.1. Художественный перевод и межкультурное (не)понимание

В исследовании и критическом анализе перевода на русский язык одного стихотворения боснийскогерцеговинского поэта Мака Диздара, подтвердилось мнение академика Ханифы Капиджич-Османагич, высказанное по поводу перевода на французский язык стихотворения Мака Диздара « Sunčani Hristos » (*Солнечный Христос / Le Christ solaire*), что « незнание культурного кода » (культуры источника) « является изменой поэзии ». [18]

В переводе на русский язык стихотворение-экфрасис Мака Диздара « Kolo bola » из сборника стихов *Kamení spavač* (*Каменный спящий / Le dormeur de pierre*) почти неузнаваемо, полностью адаптировано к целевому (русскому) языку, целевой культуре, горизонту ожидания целевой аудитории. [19] Приведём стихотворение на боснийском и в переводе на русский язык:

Kolo bola

Koliko kola od dola do dola

Koliko bola od kola do kola

Koliko jada od grada do grada

Koliko greba od brega do brega

Koliko krvi od usudnih rana

Koliko smrti do suđenog dana

Koliko kola od dola do dola

Koliko bola od kola do kola

Kolo do kola od bola do bola [20]

Сколько боли...

Сколько горя от горы до моря

Сколько боли от речки до поля...

Сколько наdsaды от дома до сада

Сколько погостов от моста до моста

Ох сколько крови из ран наструются

Скольких не станет пока Суд свершится!

Сколько же горя от горы до моря

Сколько же боли от речки до поля...

Речка да поле от боли до горя. ^[21]

Хотя формальные особенности оригинала сохранились (четыре двустишия и последний изолированный стих, аллитерация, повторения и др.), обратный перевод с русского дает совершенно иную картину мира. Это особенно хорошо видно, если сравнить перевод на русский с переводом на английский язык, в котором переводчику Френсису Джонсу удалось сохранить все формальные особенности, а также и особое мироощущение, особую картину мира источника:

Kolo of sorrow

How long *the kolo* from hollow to hollow

How long the sorrow from *kolo* to *kolo*

How long the dread from *stead* to *stead*/

How long the tombs from *coomb* to *coomb*

How long the blood we are judged to pay

How long the deaths till the judgement day

How long the *kolo* from hollow to hollow

How long the sorrow from *kolo* to *kolo*

Kolo to *kolo* from sorrow to sorrow. ^[22]

В конкретном примере очень важен тот факт, что вдохновляющей основой стихотворения Мака Диздара, как и сборника *Каменный спящий* в целом, являются *стечки*, средневековые надгробия, как, среди прочего, и элемент традиции изобразительного искусства. Следовательно, стихотворение необходимо читать как *экфрасис*, поэтический текст, дополняющий произведение изобразительного искусства. Читатель, особенно переводчик стихов, должен знать, что источник стихотворения – искусственное, изобразительное отображение мотива « кола », и проникая в смысл стихотворения, обязан учитывать три его очень значимых уровня. Первый уровень – уровень реального, который воскрешает в сознании читателя боснийскогерцеговинскую народную культуру, народный танец. Здесь это, прежде всего, значимое « глухое », немое « коло », без сопровождения музыкальных инструментов, только глухой топот ног. « Глухота » народного танца переходит и связывается со вторым уровнем – высеченным в камне стечка мотивом « кола », который также глух и нем, остановленный в своем движении, стоит вечно, свидетельствуя об участии страны и боли выросшего в ней человека. Само стихотворение Диздара, на самом деле, является третьим уровнем – вербальной рефлексией об объекте и, одновременно, ре-интерпретацией данного мотива. [23]

Кросс-лингвистическое и кросс-культурное сравнительное исследование, ориентированное на те моменты, в которых артикулируются культурные различия (Х. Бхабха), дало в данном случае отличные результаты. С одной стороны, анализ перевода показал, что переводчик на русский язык не был знаком с фундаментальными реалиями стихотворения, которое и представляет собой своего рода эстетическую рефлексия над конкретными весьма значимыми реалиями культуры источника. С другой стороны, исследование поэтического сборника Диздара *Kameni spavač* (*Каменный спящий*) с точки зрения принципов русского авангарда, а также и русских « парнасцев » – акмеистов, внесло вклад (хотя и небольшой) в новое понимание поэтики поэта в контексте боснийскогерцеговинской литературы и культуры, через применение перекрестных, сравнительных, межкультурных интерпретационных методов.

Говоря о проблеме межкультурных интеракций (как видно из приведенного выше примера переводной критики), она, по мнению Хоми Бхабхи, « возникает только на сигнификационных границах культур, где смыслы и ценности (не)прочитываются или знаки неправомерно присваиваются » [24]. На примере анализа конкретного перевода мы попытались указать на необходимость изучения и, одновременно, аффирмации культурных различий [25]. Также, мы попытались обратить внимание

на необходимость исследования способов литературного выражения « субверсивных голосов », даже внутри одного культурного сообщества, что ярко иллюстрирует поэтический сборник Мака Диздара *Kameni spavač* (*Каменный спящий*), являющийся самобытным поэтическим голосом « поэта еретика » и творческой интерпретацией средневековой Боснии и мировоззрения боснийских еретиков патаренов. Кроме того, пример сходных трансформаций смыслов в переводе стихов одного и того же поэта (как, например, в указанном выше примере перевода на французский язык), показывает, что подобные исследования вовсе не обязательно должны ограничиваться одним, в данном случае славянским, культурно-цивилизационным кругом.

Демография нового интернационализма, по Х. Бхабхе « является историей постколониальных миграций, нарративов культурных и политических диаспор (...), поэтикой изгнания, мрачной прозой жизни политических и экономических беженцев » [26]. История русской литературы, ее развитие и особый литературный процесс богаты именно такими нарративами. Русская литература в этом смысле парадигматична, поскольку, помимо официальной литературы, ее составляют такие явления, как: самиздат, тамиздат, специздат и подпольная литература, с которыми связаны значимые эпизоды общественной и культурной жизни страны. Не случайно говорят о « двух Россиях », имея в виду Россию « внутри страны » (*inland*) и эмигрантскую Россию. Если учесть ещё и ту Россию, которая состоит из многочисленных меньшинств, пограничную, и ту « неподобающую » (*un-homly*), становится ясно, что при исследовании и изучении культуры (и не только русской), нельзя игнорировать подобные пограничные явления. [27] Поэтому на кафедре русской литературы мы стараемся культивировать сравнительный подход максимально (особенно для студентов двухпредметных программ), по крайней мере в « самостоятельных » студенческих работах, так как сама литература предлагает обширное пространство для исследований как общих признаков и черт двух и более литератур / культур в европейском контексте, так и особенностей и специфики одной (конкретно русской) литературы / культуры и различий, то есть пограничных явлений, возникающих в ее рамках.

Предложение Зденко Ковача о том, что мы должны в максимально возможной степени унифицировать европейские зарубежные исследования славянских языков и литератур общими учебными планами, в которых подчеркивалось бы как внешнее, так и внутреннее многоязычие и поликультурность славистики – амбициозный проект, который включал бы, среди прочего, совместные проекты: межкультурные центры, институты, кросс-культурные журналы (такие как

сараевский *Život* или *Sarajevske sveske*), совместные магистерские и / или докторские исследования и т. д. Насколько все это для нас достижимо – не знаю, но в результате мы могли бы получить исключительных специалистов, не только межкультурных посредников, но и истинных медиаторов, сторонников пути толерантности, понимания и поддержки многообразия и, прежде всего, уважения культурного различия.

Заключение : Учить? Но, кого же?..

Если рассматривать преподавание (славянских) языков и культур как ритуал перехода к новому восприятию учащихся / студентов, как на индивидуальном, так и на социальном уровне, то ясно, что должен быть сделан поворот в подходе к обучению – от исходной (предлиминальной по ван Геннепу) ситуации традиционного воспроизведения огромного объема знаний, точнее информации (которую учащиеся могут получить « в один клик »), к систематическому развитию умений и компетенций (метаграмотность), развитию независимого критического мышления у студентов и обучение через формы независимого исследования под наставничеством. В публикации *Medijska i informacijska pismenost : dizajn učenja za digitalno doba* (Медиа и информационная грамотность : дизайн обучения для цифровой эпохи), упомянутой в начале этого текста, авторы предлагают, что учитель должен быть « лидером обучения », « модератором, который побуждает студентов к критическому мышлению и направляет их, а не бесспорным авторитетом, сообщающим догматические научные истины » [28]. Кажется, что только процесс (по)строения доверия и понимания, сотрудничества в отношениях преподаватель – студент, а также преподаватель – преподаватель и студент – студент, могут обеспечить свободное выражение собственных мыслей, стимулировать творчество и облегчить и помочь учащимся понять время нестабильности и неопределенности, в котором мы живем и работаем – вместе.

В контексте современного момента всех видов транзаций (переходов), где, как пишет Хоми Бхабха, « пространство и время пересекаются, создавая сложные фигуры различия и идентичности, прошлого и настоящего, внутреннего и внешнего, включения и исключения » [29], и в контексте актуального феномена культуры отмены / исключения (*cancel culture*) в виртуальном мире (культуры, в которой можно также узнать описание ван Геннепом обрядов разделения, изгнания, исключения, как аналога обрядам инициации), холистический подход к межкультурному образованию, предполагающий утверждение взаимопонимания

и сотрудничества между представителями разных культур и народов, должен стать приоритетом. К сожалению, в болезненно разделенном мире, который вынуждает как сообщества, так и отдельных людей «принимать сторону», разрыв между теорией и практикой становится все более очевидным.

Наконец, на вопрос из заглавия заключительной главы настоящей статьи – Учить? Но кого же?.. (являющимся парафразой стихов известного стихотворения М. Ю. Лермонтова), я могу дать только один ответ : впереди у нас долгий и болезненный процесс транзycji (обряда перехода), но если мы не начнем диалог и не внесём никаких изменений, то нам некого будет учить. Станет «и скучно и грустно»...

Bibliographie

A. Базилевский (сост.), Антология сербской поэзии, том 2, Москва, Рипол Классик – Вахазар, 2004, с. 1072.

H. K. Bhabha, The Location of Culture, Routledge, London – New York, 1994, pp. 295.

M. Dizdar, Kameni spavač / Stone Sleeper, preveo: Francis R. Jones, pogovor: Rusmir Mahmutćehajić, pogovor i bilješke: Francis R. Jones, grafičko oblikovanje: Dževad Hozo, Sarajevo, DID, 1999, с. 253.

S. Dizdar, M. Dizdar (ur.), Slovo Makovo / Mak Dizdar, Sarajevo, Fondacija Mak Dizdar“, 2008, с. 410.

A. van Gennep, The Rites of Passage, translated by M. B. Vizedom and G. L. Capfee, Introduction by S. T. Kimball, The University of Chicago Press, Chicago, 1960, pp. 198.

A. Ибришимович-Шабич, «Анализ перевода на русский язык стихотворения Мака Диздара ´Сколько боли´», Художественный перевод и его роль в литературном процессе Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН, Москва, 2016, с. 136-142.

A. Ibrišimović-Šabić, «Prijevod jedne Makove pjesme na ruski jezik (Kolo bola)», in S. Halilović, S. Kodrić (ur.) I. bosanskohercegovački slavistički kongres. Zbornik radova – Književnost (knjiga 2), Slavistički komitet, Sarajevo, 2012, с. 283-289.

H. Kapidžić-Osmanagić, «Nepoznavanje kulturnog kôda kao izdaja poezije. Jedan primjer prevođenja Maka Dizdara na francuski», in Slovo Gorčina, № 26, 2004, с. 197-198.

H. Kapidzic-Osmanagic, «Mak Dizdar, poète hérétique», in Jean Breuillard, Edina Bozoky

et Marie Vrinat-Nikolov (éd.), Bogomiles, Patarins et Cathares, Slavica Occitania, № 16, 2003, pp. 349-363, <https://revues.univ-tlse2.fr/slavicaoccitania/index.php?id=668> (дата обращения : 13.12.2022).

Z. Kovač, Međuknjiževne rasprave. Poredbena i/ili interkulturalna povijest književnosti, Beograd, Službeni glasnik, 2011, c. 433.

W. F. Ogburn, Social Change With Respect to Culture and Original Nature [digitized book], New York, B. W. Huebsch, Inc., pp. 389. Режим доступа : <https://archive.org/details/socialchangewit00ogbugoog/page/n6/mode/2up?view=theater> (дата обращения : 27.1.2023).

A. Szakolczai, B. Thomassen, « Arnold van Gennep : Liminal Rites and the Rhythms of Life » in From Anthropology to Social Theory. Rethinking the Social Sciences, Cambridge University Press, Cambridge, 2019, pp. 23-43, https://www.researchgate.net/publication/330396911_Arnold_van_Gennep_Liminal_Rites_and_the_Rhythms_of_Life (дата обращения : 28.1.2023).

Э. Тоффлер, Шок будущего [эл. книга], перевод с английского языка Е. Руднева (введение, гл. 1-3), Л. Бурмистрова (гл. 4-5), К. Бурмистров (гл. 6-7) И. Москвина-Тарханова (гл. 8), А. Микиша (гл. 9, 15, 16), А. Мирер (гл. 10, 11), В. Кулагина-Ярцева (гл. 12-14), Н. Хмелик (гл. 17, 19, 20), Е. Комарова (гл. 18), Москва, Издательство АСТ, 2002, с. 557, http://yanko.lib.ru/books/cultur/toffler-future_shock-ru-l.pdf (дата обращения : 27.1.2023).

« Uputstvo o zastupljenosti nastavnih sadržaja iz psihološko-pedagoške i metodičko-didaktičke grupe nastavnih predmeta u studijskim programima nastavničkih usmjerenja », in Službene novine Kantona Sarajevo, № 31, 26. jula 2018, c. 46-47.

E. Vajzović, M. Hibert, L. Turčilo, V. Vučetić, L. Silajdžić, Medijska i informacijska pismenost : dizajn učenja za digitalno doba [эл. книга], Univerzitet u Sarajevu – Fakultet političkih nauka, Sarajevo, 2021, c. 334, https://fpn.unsa.ba/b/wp-content/uploads/2021/04/MEDIJSKA-I-INFORMACIJSKA-PISMENOST-DIZAJN-UCENJA-ZA-DIGITALNO-DOBA_e-izdanje-1.pdf (дата обращения : 6.11.2022).

B. Zeliński, « Kroatistika na Sveučilištu Adama Mickiewicza u Poznaniu », in Croatian Studies Review, № 5, Sydney – Split – Waterloo – Zagreb, 2008, c. 154-160.

Notes

[1] Все переводы цитат, если не указано иначе, выполнены автором настоящей статьи.

[2] E. Vajzović et al., *Medijska i informacijska pismenost : dizajn učenja za digitalno doba*, [эл. книга], Sarajevo, Fakultet političkih nauka Univerziteta u Sarajevu, 2021, с. 334.
Режим доступа : https://fpn.unsa.ba/b/wp-content/uploads/2021/04/MEDIJSKA-I-INFORMACIJSKA-PISMENOST-DIZAJN-UCENJA-ZA-DIGITALNO-DOBA_e-izdanje-1.pdf
(дата обращения : 6.11.2022).

[3] Отправной точкой обучения является не содержание, а контакт с людьми, группами и узлами, источниками информации; ключевой навык – способность видеть связи, распознавать паттерны и видеть смыслы между областями знаний, концепциями и идеями; обучение – процесс, происходящий в неопределенном окружении; знаниями владеет группа, а не индивидуум.

[4] E. Vajzović et al., *Там же*, с. 7.

[5] По своим базовым характеристикам и концепция постцифровости представляет собой лиминальную позицию, т.е. вторую или среднюю фазу « обряда перехода », точнее, представляет собой стадию отказа от известного (разрыв с предшествующими научными теориями), одновременно их продолжение и переход в « новое состояние » (ср. E. Vajzović et al., *Там же*, с. 9).

[6] E. Vajzović et al., *Там же*, с. 12.

[7] Термин « культурное отставание » впервые был введен в употребление Уильямом Ф. Огборном в 1922 году в книге *Социальные изменения в отношении культуры и изначальной природы* (W. F. Ogburn, *Social Change With Respect to Culture and Original Nature* [digitized book], New York, B. W. Huebsch, Inc., pp. 389).
Режим доступа : <https://archive.org/details/socialchangewit00ogbugoog/page/n6/mode/2up?view=theater> (дата обращения : 27.1.2023).

[8] Э. Тоффлер, *Шок будущего* [эл. книга], перевод с английского языка Е. Руднева (введение, гл. 1-3), Л. Бурмистрова (гл. 4-5), К. Бурмистров (гл. 6-7) И. Москвина-Тарханова (гл. 8), А. Микиша (гл. 9, 15, 16), А. Мирер (гл. 10, 11), В. Кулагина-Ярцева (гл. 12-14), Н. Хмелик (гл. 17, 19, 20), Е. Комарова (гл. 18), Москва, Издательство АСТ,

2002, с. 557. Режим доступа : http://yanko.lib.ru/books/cultur/toffler-future_shock-ru-l.pdf (дата обращения : 27.1.2023).

[9] Ср. Э. Тоффлер, *Там же*, с. 15 и E. Vajzović et al. *Там же*, с. 268.

[10] В принципе, речь идёт о более-менее унаследованной программе, поскольку Отделение славянских языков и литератур (основанное в 1972 г.) выросло из Кафедры русского языка и литературы (основанной в 1962 г.), и большинство сотрудников по профессии филологи-русисты. Кроме того, ориентация на современный русский язык связана и с тем, что на кафедру поступают ученики, не изучавшие русский язык в школе (в начальных и средних школах русский язык в Федерации БиГ был упразднён в 1990-х годах прошлого века). Поступление в ВУЗ – это их первое знакомство с русским и другими славянскими языками, которые изучаются на нашем отделении.

[11] Студенты знакомятся с русской культурой и цивилизацией и каноническими произведениями русских классиков XIX и XX веков на первом цикле обучения, с литературой конца XX ст. и современной русской литературой XXI века (на втором цикле обучения). Конечно, они знакомятся и с более широким социальным и культурным контекстом, в котором были созданы отдельные произведения, наряду с обязательными курсами истории и теории литературы. Древнерусская литература исключена из программы.

[12] Кроме того, преподаются еще педагогическая и психологическая группы предметов, введены в 2018 году в результате гармонизации учебных программ педагогических направлений в высших учебных заведениях на территории Сараевского кантона. Для этого, учебная программа нашего отделения должна была быть пересмотренной и адаптированной в соответствии с « Инструкцией по распределению содержания обучения психолого-педагогической и методико-дидактической группы предметов в учебных программах педагогических направлений » (« Uputstvo o zastupljenosti nastavnih sadržaja iz psihološko-pedagoške i metodičko-didaktičke grupe nastavnih predmeta u studijskim programima nastavničkih usmjerenja », в книге *Službene novine Kantona Sarajevo*, № 31, 26. jula 2018, с. 46-47). Это поставило наше отделение в абсурдное положение подготовки кадров, в которых нет необходимости в Федерации Боснии и Герцеговины, поскольку на территории Федерации нет ни одной школы в которой бы изучались русский, или другие славянские языки (кроме боснийского, хорватского, сербского языка как родного), даже на уровне третьего иностранного или факультативного предмета. Кроме того, для тех, кто действительно хочет изучать язык и литературу

(культуру), данная группа предметов представляет дополнительную нагрузку, если учесть все обязанности, которые стоят перед студентом по каждому отдельному курсу.

[13] Говоря о модели обучения, названной управляемое исследовательское обучение (Guided Inquiry Design – GID), авторы пособия E. Vajzović et al., *Medijska i informacijska pismenost: dizajn učenja za digitalno doba*, [эл. книга], Sarajevo, Fakultet političkih nauka Univerziteta u Sarajevu, 2021, с. 284, пишут: « Прежде всего, в системе образования, как основе развития общества, необходимо полностью изменить действующую традиционную модель, в основе которой лежит простое воспроизводство информации и знаний, в рамках которой, как видно, большая нагрузка по-прежнему ложится на преподавателей. В этом смысле здесь предлагается модель управляемого исследовательского обучения (...), которая существенно меняет существующую парадигму подхода к обучению (...). В центре внимания уже не конечный продукт, то есть воспроизведенные информации и знания, а общий исследовательский (и образовательный) процесс на всех его этапах, от поиска соответствующих источников информации, нахождения качественной информации и контента до приобретения знаний и принятия (жизненных) решений. Традиционная модель ориентирована на количество, а не на качество знаний и часто описывается как состояние, в котором ´ много чего известно ´ да ´ мало- или совсем непонятно ´ ».

[14] A. Szakolczai, B. Thomassen, « Arnold van Gennep : Liminal Rites and the Rhythms of Life » in *From Anthropology to Social Theory. Rethinking the Social Sciences*, Cambridge University Press, Cambridge, 2019, с. 42. Режим доступа : https://www.researchgate.net/publication/330396911_Arnold_van_Gennep_Liminal_Rites_and_the_Rhythms_of_Life (дата обращения : 28.1.2023).

[15] См. например : *Poredbena i / ili interkulturna povijest književnosti* (Сравнительная и / или межкультурная история литературы), Biblioteka književne smotre, Zagreb, 2001, с. 355; *Međuknjiževna tumačenja* (Межлитературные интерпретации), Biblioteka književne smotre, Zagreb, 2005, с. 206; *Međuknjiževne rasprave. Poredbena i / ili interkulturna povijest književnosti* (Межлитературные дискуссии. Сравнительная и / или межкультурная история литературы), Službeni glasnik, Beograd, 2011, с. 433; *Interkulturene studije i ogledi* (Межкультурные исследования и очерки), FF press, Zagreb, 2016, с. 285, и др.

[16] Например, познанская славистика в Польше следует модели, которую

отстаивает З. Ковач. В южнославянском культурном сообществе хорватский славист выделяет четыре сосуществующие « славии » : *Slavia Latina*, *Slavia Orthodoxa*, *Slavia Islamica* и *Slavia Iudaika* (см. B. Zeliński, « Kroatistika na Sveučilištu Adama Mickiewicza u Poznaniu », in *Croatian Studies Review*, № 5, Sydney – Split – Waterloo – Zagreb, 2008, с. 154-160). Данная концепция представляет собой очень хорошую основу для более широкого культурного сравнительного исследования в рамках одного цивилизационно-культурного круга, который не обязательно должен ограничиваться южнославянским или юго-восточно-европейским контекстом.

[17] H. K. Bhabha, *The Location of Culture*, Routledge, London – New York, 1994, pp. 1-2.

[18] H. Kapidžić-Osmanagić, « Nepoznavanje kulturnog kôda kao izdaja poezije. Jedan primjer prevođenja Maka Dizdara na francuski », в : *Slovo Gorčina*, № 26, 2004, с. 197-198. См. также статью того же автора на французском языке: H. Kapidžić-Osmanagic, « Mak Dizdar, poète hérétique » in Jean Breuillard, Edina Bozoky et Marie Vrinat-Nikolov (éd.), *Bogomiles, Patarins et Cathares, Slavica Occitania*, № 16, 2003, с. 349-363. Режим доступа : <https://revues.univ-tlse2.fr/slavicaoccitania/index.php?id=668> (дата обращения : 13.12.2022).

[19] Выбранный пример может послужить иллюстрацией для исследования природы трансформаций в переводе – тех трансформаций, которые являются следствием, в первую очередь, недостаточного знания культурного кода, породившего оригинал. См. А. Ибришимович-Шабич, « Анализ перевода на русский язык стихотворения Мака Диздара ´Сколько боли´ », in *Художественный перевод и его роль в литературном процессе Центральной и Юго-Восточной Европы*, Институт славяноведения РАН, Москва, 2016, с. 136-142 и A. Ibrišimović-Šabić, « Prijevod jedne Makove pjesme na ruski jezik (Kolo bola) », в : S. Halilović, S. Kodrić (ur.), *I. bosanskohercegovački slavistički kongres. Zbornik radova – Književnost (knjiga 2)*, Slavistički komitet, Sarajevo, 2012, с. 283-289.

[20] S. Dizdar, M. Dizdar (ur.), *Slovo Makovo / Mak Dizdar*, Sarajevo, Fondacija Mak Dizdar, 2008, с. 206.

[21] *Антология сербской поэзии*, том 2, составитель : Андрей Базилевский, Москва, Рипол Классик – Вахазар, 2004, с. 260.

[22] M. Dizdar, *Kameni spavač / Stone Sleeper*, preveo: Francis R. Jones, pogovor: Rusmir Mahmutćehajić, pogovor i bilješke: Francis R. Jones, grafičko oblikovanje: Dževad Hozo, Sarajevo, DID, 1999, с. 65.

[23] Подробнее об этом см. в: А. Ибришимович-Шабич, « Анализ перевода на русский язык стихотворения Мака Диздара ´Сколько боли´ », in *Художественный перевод и его роль в литературном процессе Центральной и Юго-Восточной Европы*, Институт славяноведения РАН, Москва, 2016, с. 136-142.

[24] Н. К. Bhabha, *The Location of Culture*, Routledge, London – New York, 1994, p. 34.

[25] Х. Бхабха утверждает, что пересмотр истории критической теории основывается на понятии культурного различия (*cultural difference*), а не культурного разнообразия (*cultural diversity*). См. Н. К. Bhabha, *Там же*, с. 34.

[26] Н. К. Bhabha, *Там же*, с. 5.

[27] Предлагая рассматривать литературу как « изучение того, как культуры узнают свои проекции ´инаковости´ », Хоми Бхабха пишет: «Что можно сказать о более сложной культурной ситуации, когда ´ранее непризнанные духовные и интеллектуальные потребности´ возникают в результате навязывания ´чужих´ идей, культурных репрезентаций и структур власти? Гёте предполагает, что ´внутренняя природа как всей нации, так и отдельного человека действует бессознательно´. Если это сопоставить с его идеей о том, что культурная жизнь нации проживается ´бессознательно´, тогда может возникнуть смысл, в котором мировая литература может быть целостной, префигуративной категорией, связанной с формой культурного диссенсуса и инаковости, где неконсенсуальный термин принадлежности может быть установлен на основании исторической травмы. (...) Там, где когда-то главной темой мировой литературы была передача национальных традиций, теперь, пожалуй, можно предположить, что транснациональная история мигрантов, колонизированных или политических беженцев – эти границы и пограничные условия – могут стать достоянием мировой литературы». Н. К. Bhabha, *Там же*, с. 12.

[28] E. Vajzović et al., *Medijska i informacijska pismenost : dizajn učenja za digitalno doba*, [эл. книга], Sarajevo, Fakultet političkih nauka Univerziteta u Sarajevu, 2021, с. 285.

[29] Н. К. Bhabha, *Там же*, с. 1.

Pour citer ce document

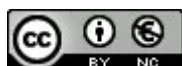
.....

Par Adijata IBRIŠIMOVIĆ-ŠABIĆ, «КОГО, ЧЕМУ, КАК И ЗАЧЕМ УЧИТЬ? Изучение славянских культур сегодня: лиминальность и медиация (Тематическое исследование/ case study: Философский факультет Университета в Сараеве, Отделение славянских языков и литератур)», *Revue du Centre Européen d'Etudes Slaves* [En ligne], Liminalité dans le contexte linguistique et culturel des Slaves de l'Est, La revue, Numéro 8, mis à jour le : 16/12/2023, URL : <https://etudesslaves.edel.univ-poitiers.fr/index.php?id=1521>.

Quelques mots à propos de : Adijata IBRIŠIMOVIĆ-ŠABIĆ

Adijata Ibrišimović-Šabić is an associate professor at the Faculty of Philosophy, University of Sarajevo, where she teaches all courses in the field of Russian literature and culture. She is a member of the Doctoral Study Council in Literature at the Faculty of Philosophy, University of Sarajevo. She was the head of the Department of Slavic Languages and Literatures (2020-2022 and 2015-2018). She is a member of Management Board of the Slavic Committee in Bosnia and Herzegovina. Latest publicat ...

Droits d'auteur

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License CC BY-NC 3.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/3.0/fr/>) / Article distribué selon les termes de la licence Creative Commons CC BY-NC.3.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/3.0/fr/>)